

СЛОВО
О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

СЛОВО
О ПОХОДЕ
ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?

Пусть начнется же песнь эта
по былинам нашего времени,
а не по замыслению Бояна.
Боян же вещий,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.

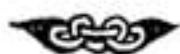
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.

Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
какую лебедь настигали,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,

что зарезал Редёю пред полками касбжскими,
красному Роману Святославичу.

Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей напускал,
но свои вещие персты

на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию
отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умъ крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплѣнився ратнаго духа,
наведе своя храбрія плѣкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои брѣзья комони,
да позримъ
синего Дону».
Спаль князю умъ
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хощу бо, — рече, — копие приломити
конецъ поля Половецкаго;
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону».

на живые струпы воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих
тьмою прикрытых.
И сказал Игорь-князь
дружине своей:
«О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
сядем же, братья,
на борзых коней
да посмотрим хоть
на синий Дон».
Ум князя уступил
желанию,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему предзнаменование.
«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на границе поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
 Абы ты сна плъкы ущекоталъ,
 скача, славию, по мыслену древу,
 летая умомъ подъ облакы,
 свивая славы оба полы сего времени,
 рища въ тропу Трояню
                                 чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви,
                                 того внуку:
 «Не буря соколы занесе
                                 чрезъ поля широкая —
 галици стады бѣжать
                                 къ Дону великому».

Чи ли въспѣти было,
                                 въщей Бояне,
                                 Велесовъ внуче:
 «Комони ржуть за Сулою —
                                 звенить слава въ Кыевь;
 трубы трубятъ въ Новѣградъ —
                                 стоять стязи въ Путивль!»

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
 И рече ему буй туръ Всеволодъ:
 «Одинъ братъ,
 одинъ свѣтъ свѣтлый —
                                 ты, Игорю!
 оба есвѣ Святъславличя!
 Сѣдлай, брате,
                                 свои брѣзыи комони,
 а мои ти готови,
                                 осѣдлани у Курьска напереди.
 А мои ти куряни свѣдоми кѣмети:
                                 подъ трубами повити,
                                 подъ шеломы възлѣлѣяни,
                                 конецъ копия възкрѣмлени,
                                 пути имъ вѣдоми,
                                 яругы имъ знаеми,
                                 луци у нихъ напряжени,
                                 тули отворени,
                                 сабли изѣострени;

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по мысленному дереву,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Тройна

                    через поля на горы.

Так бы пришлось внуку Велеса
                    воспеть песнь Игорю:

«Не буря соколов занесла
                    через поля широкие —
стаи галок бегут
                    к Дону великому».

Или так бы начать тебе петь,
                    вещий Боян,
                    Веселов внук:

«Кони ржут за Сулой —
                    звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
                    стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:

«Один брат,
один свет светлый —
                    ты, Игорь!

Оба мы — Святославичи!

Седлай же, брат,
                    своих борзых коней,

а мой-то готовы,
                    оседланы у Курска еще раньше.

А мой-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены;

сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь
и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тѣмою путь заступаше;
нощъ стонущи ему грозою птичь убуди;
свистѣ звѣринѣ вѣста,
збѣися дивѣ —

кличеть врѣху древа,
велитѣ послушати — земли незнаемѣ,

Влѣзѣ,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,

и тебѣ, Тьмутороканьскій блѣванѣ!

А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычатѣ тѣлѣгы полунощы,
рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетѣ!

Уже бо бѣды его пасетѣ птицѣ
по дубию;

влѣци грозу вѣсерожатѣ
по яругам;

орли клетомѣ на кости звѣри зовутѣ;
лисици брешутѣ на чрѣленья щиты.

сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.

Солице ему тьмою путь заступало;
ночь стонами грозы птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —

кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле неизвестной,

Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,

и тебе, Тмутороканский идол!

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому:
кричат телеги в полночи,
словно лебеди распущенные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;

волки грозу поднимают
по оврагам;

орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мръкнетъ.
 Заря свѣтъ запала,
 мъгла поля покрыла.
 Щекоть славий успе;
 говоръ галичь убуди.
 Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
 ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зараня въ пятокъ
 потопташа поганяя плѣкы половецкыя,
 и рассушясь стрѣлами по полю,
 помчаша красныя дѣвки половецкыя,
 а съ ними злато,
 и паволокы,
 и драгыя оксамиты.
 Орьтьмами,
 и япончицами,
 и кожухы

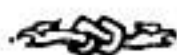

начаша мосты мостити по болотомъ
 и грязивымъ мѣстомъ,

О Русская земля! уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами

стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,

и всякими узорочьи половъцкыми.

Чрълень стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие —

храброму Святъславичю!

Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо.

Далече залетѣло!

Не было оно обидѣ порождено,

ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронъ,
поганый половчине!

Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ,

Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
крававыя зори свѣтъ новѣдають;
чръныя тучя съ моря идуть,
хотять прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии мльнии.

Быти грому великому,

Идти дождю стрѣлами съ Дону великаго!

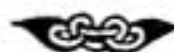
Ту ся коннемъ приламатн,

ту ся саблямъ потручяти

о шеломы половецкыя,

на рѣцъ на Каялъ,

у Дона великаго!

О Русская землѣ! уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами
на храбрыя плѣкы Игоревы.

Земля тутнетъ,

и всякими узорочьями половецкими.

Червлен стяг,
белая хоругвь,
червлена чёлка,
серебряно древко —

храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!

Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!

Гзак бежит серым волком,
а Кончак ему путь указывает к Дону великому.

На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
Пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

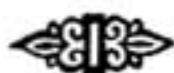
О Русская земля! уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит,

рѣкы мутно текутъ,
 пороси поля прикрывають,
 стязи глаголютъ:
 половци идутъ отъ Дона,
                     и отъ моря,
 и отъ всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша.
 Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
 а храбрии русици преградиша чрѣлеными щиты.

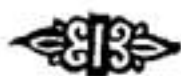

Яръ туре Всеволодъ!
 Стоиши на борони,
 прыщещи на вои стрѣлами,
 гремлещи о шеломы мечи харалужными!
 Камо, туръ, поскочяше,
                     своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
 тамо лежать поганыя головы половецкыя.
 Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
                     отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
 Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота,
                     и града Чрънигова отня злата стола,
 и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны
                     свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
 минула лѣта Ярославля;
 были плѣци Олговы,
 Ольга Святѣславличя.
 Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
 и стрѣлы по земли сѣяше.
 Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тьмутороканъ,
 той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
 а сынъ Всеволожъ, Владимиръ,
 по вся утра уши закладаше въ Черниговъ.
 Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
 и па Канину зелену наполому постла
                     за обиду Олгову
                     храбра и млада князя.

реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона,
и от моря,
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калеными шлемы аварские
тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь,
и богатство,
и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
свычай и обычай?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы;
были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в золотое стремя в городе Тмуторокане,
а звон тот уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода, Владимир,
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела
и на Канину зеленое погребальное покрывало постлала
храброму и молодому князю
за обиду Олега.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ яти отца своего
между угорьскими иноходьци
ко святѣй Софїи къ Киеву.

Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяшеться и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотятъ полетѣти на уедне.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленныя,
гримлютъ сабли о шеломы,
трещатъ кониа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.
Черъна земля подѣ коныты костьми была посѣяна,
а кровию поляна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предѣ зорями?
Игорь плѣкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирѣ докопчаша храбрии русичи:

С той же Каялы Святополк повелел отца своего привезти
    между венгерскими иноходцами
    ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Даждьбожа внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны гра́яли,
    трупы между собой деля,
а галки свою речь говорили,
    собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыа булатные
    в поле незнаемом,
    среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами костьми была засеяна
    и кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
    издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:

сваты попойша, а сами полегоша
за землю Рускую.

Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилося.

Уже бо, братие, не веселая година вѣстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
встутила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;

плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо братъ брату:

«Се мое, а то мое же».

И начяша князи про малое

«се великое» мльвити,

а сами на себѣ крамолу ковати.

А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече, зайде соколъ, птиць бья, — къ морю!

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!

За нимъ кликну Карна, и Жля

поскочи по Руской земли,

смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены руския въсплакашась, аркучи:

«Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ

ни мыслию смыслити,

ни думою сдумати,

ни очима съглядати,

а злата и сребра ни мало того потрепати».

сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.

Никнет трава от жалости,
а дерево с горем к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.

Встала обида в войсках Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;

плеская, прогнала времена обилия.

Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:

«Это мое, и то мое же».

И стали князья про малое

«это великое» говорить

и сами на себя крамолу ковать.

А поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю!

Игорева храброго полка не воскресить!

По нем кликнула Кárна, и Жéля

поскакала по Русской земле,

огонь мыкая в пламенном роге.

Жёны русские восплакались, приговаривая:

«Уже нам своих милых лад

ни мыслию не смыслить,

ни думою не сдумать,

ни глазами не повидать,

а золота и серебра совсем не потрогать».

А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою,
а Черниговѣ напастыми.

Тоска разлися по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
    побѣдами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, —
    Игорь и Всеволодъ —
уже лжу убудиста которою,
ту бяше успилъ отецъ ихъ —
    Святъславъ грозный великий киевский —
    грозою:
бяшетъ притрепалъ своими сильными плѣкы
    и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлѣми и яругы,

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.

Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
"Святослав грозный великий киевский —
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,

взмути рѣкы и озеры,
 иссуши потоки и болота.
 А поганаго Кобяка изъ луку моря,
 отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкыхъ,
     яко вихрѣ, выторже:
 и падесе Кобякѣ въ градѣ Киевѣ,
     в гридницѣ Святъславли.
 Ту нѣмцы и венецици,
 ту греци и морава
     поютъ славу Святъславлю,
     каютъ князя Игоря,
 иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы — рѣкы половецкыя, —
     рускаго злата насыпаша.
 Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
     а въ сѣдло кощиево
 Уныша бо градомѣ забрали
     а веселие пониче.

А Святъславъ мутенѣ сонѣ видѣ
     въ Киевѣ на горахѣ.
 «Синь ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, —
     чрѣною паполомою
     на кровати тисовѣ;
 чрѣпахуть ми синее вино,
     съ трудомѣ смѣшено;
 сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинѣ
     великый женчюгѣ на лоно
     и нѣгуютъ мя,
 Уже дѣскы безѣ кнѣса
     в моемѣ теремѣ златоврѣсѣмѣ.
     Всю ночь съ вечера
 бусови врани възгряху у Пльсьньска,
 на болони бѣша дебрь Кияня
 и несошася къ синему морю».
 И ркоша бояре князю:
 «Уже, княже, туга умѣ полонила;
 се бо два сокола слѣтѣста
     съ отня стола злата

взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
        как вихрь исторг;
и пал Кобяк в граде Киеве,
        в гриднице Святославоуи,
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
        поют славу Святославу,
        корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой, —
        просыпав русского золота.
Тут Игорь-князь пересел из седла золотого
        в седло рабское.
Приуныли у городов забрапы,
        а веселле пошккло,

А Святослав смутный сон видел
        в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит, —
        черным покрывалом
        на кровати тисовой;
черпали мне синее вино,
        с горем смешанное;
сыщали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
        крупный жемчуг на грудь
        и нежили меня.
Уже доски без князька
        в моем тереме златоверхом.
        Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понеслись они, вороны, к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
это ведь два сокола слетели
        с отчего престола золотого

поискати града Тьмотороканя,
 а любо испити шеломомь Дону.
 Уже соколома крильца припѣшали
     поганныхъ саблями,
 а самаю опуташа
     въ путины желѣзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
 два солнца помѣркости,
 оба багряная стлѣпа погасоста,
     и съ нима молодая мѣсяца —
     Олегъ и Святѣславъ —
 тьмою ся поволокоста
 и въ морѣ погрузиста,
 и великое буйство подаста хинови.
 На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла —
 по Руской земли прострошася половци,
     аки пардуже гиѣздо.
 Уже спесесе хула на хвалу;
 уже тресну нужда на волю;
 уже връжеся дивь на землю.
 Се бо готьскыя красныя дѣвы
 въспѣша на брезѣ синему морю:
 звоня рускымъ златомъ,
 поють время Бусово,
 лелѣют мечь Шароканю.
 А мы уже, дружина, жадни веселія!
 Тогда великый Святѣславъ
 изрони злато слово
     с слезами смѣшено
                                     и рече:
 «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
 Рано еста начала Половецкую землю
     мечи цвѣлити,
     а себѣ славы искати.
 Нѣ нечестно одолѣсте,
 нечестно бо кровь поганую пролиясте.
 Ваю храбрая сердца
     въ жестоцемъ харалузѣ скована
     а въ буести закалена.

добыть города Тмутороканя
или испить шлемом Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
                    сабли поганых,
а самих опутали
                    в путы железные».

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли,
                    и с ними два молодых месяца —
                    Олег и Святослав —
тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла —
по Русской земле простерлись половцы.
                    точно выводок гепардов.

Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом,
воспевают время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы уже, дружина, без веселья!
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
                    со слезами смешанное,
                                    и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
                    мечами обиду творить,
                    а себе славы искать.
Но нечестно вы одолели,
нечестно кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
                    из крепкого булата скованы
                    и в смелости закалены.

Се ли створнете моей сребреней сѣдинѣ?

А уже не вижду власти

сильнаго,
и богатаго,
и многоволя
брата моего Ярослава,
съ черниговскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и с реугы,
и съ ольберы.

Тии бо бес щитовѣ, съ засапожники

кликомѣ плѣкы побѣждають,

звонячи въ прадѣдную славу.

Нѣ рекосте: «Мужаймѣся сами:

преднюю славу сами похитимѣ,

а заднюю си сами подѣлимѣ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?

Коли соколѣ въ мытехѣ бываетѣ,

высоко птицѣ възбиваетѣ:

не дастѣ гнѣзда своего въ обиду.

Нѣ се зло — княже ми непособие:

наниче ся години обратиша.

Се у Римѣ кричатѣ подѣ саблями половецкыми,

а Володимирѣ подѣ ранами.

Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалеча

отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,

а Донѣ шеломы выльяти!

Аже бы ты былѣ,

то была бы чага по ногатѣ,

а кощей по резанѣ.

Ты бо можеша посуху

живыми шерещиры стрѣляти —

удалыми сыны Глѣбовы.

ПЕРЕВОД

Что же сотворили вы моей серебряной седине?

Не вижу уже власти

сильного,
и богатого,
и обильного воинами

брата моего Ярослава,

с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельб́ирами,
и с топчакáми,
и в ревúгами,
и с ольб́ерами.

Те ведь без щитов, с засапожными ножами
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!»

А разве дивно, братья, старому помолодеть?

Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает:

не даст гнезда своего в обиду.

Но вот зло — князья мне не помогают:
худо времена обернулись.

Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.

Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!

Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека
отчий золотой стол поблюсти?

Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шлемами вылить!

Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногáте,
а раб по рэзани.

Ты ведь можешь посуху

живыми копьями стрелять —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
 Не ваю ли вои
     злаченными шеломы по крови плаваша?
 Не ваю ли храбрая дружина
     рыкають, акы тури,
     ранены саблями калеными
     на полъ незнаемъ?
 Вступита, господина, въ злата стремя
     за обиду сего времени,
     за землю Рускую,
     за раны Игоревы,
         буего Святъславлича!

Галички Осмомыслъ Ярославѣ!
 Высоко сѣдиши
     на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
 подперъ горы Угорскыи
     своими желѣзными плѣки,
 заступивъ королеви путь,
 затворивъ Дунаю ворота,
 меча бремени чрезъ облакы,
 суды рядя до Дуная.
 Грозы твоя по землямъ текутъ,
 отворяеши Киеву врата,
 стрѣляеши съ отня злата стола
     салътани за землями.
 Стрѣлай, господине, Кончака,
     поганого кощея,
     за землю Рускую,
     за раны Игоревы,
         буего Святъславлича!

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли войны
                    золочеными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
                    рыкает, как туры,
                    раненные саблями калеными
                    на поле неизвестном?
Вступите же, господа, в золотые стремяна
                    за обиду сего времени,
                    за землю Русскую,
                    за раны Игоревы,
                                    буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
                    на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
                    своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
                    салтанов за землями.
Стреляй же, господин, в Кончака,
                    поганого раба,
                    за землю Русскую,
                    за раны Игоревы,
                                    буйного Святославича!

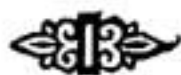

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
 Храбрая мысль носитьъ вашъ умъ на дѣло.
 Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
 яко соколъ на вѣтрехъ ширяся,
 хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
 Суть бо у ваю желѣзныи паробци
     подъ шеломы латиньскыми.
 Тѣми тресну земля,
     и многы страны —
         Хинова,
         Литва,
         Ятвязи,
         Деремела,
 и половци сулицы своя поврѣгоша,
     а главы своя подклониша
     подъ тьи мечи харалужныи.

Нѣ уже, княже Игорю,
 утрѣпъ солнцю свѣтъ,
 а древо не бологомъ листовие срони:
     по Рси и по Сули гради подѣлиша.
 А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!
 Донѣ ти, княже, кличетъ
 и зоветъ князи на побѣду.
 Олговичи, храбрыи князи, dospѣли ва брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
 и все три Мстиславичи,
 не худа гнѣзда шестокрилци!
 Не побѣдными жребии
     собѣ власти расхытите!
 Кое ваши златыи шеломы
     и сулицы лядкыи
     и щиты?
 Загородите полю ворота
     своими острыми стрѣлами
     за землю Рускую,

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу храбро одолеть.
Есть ведь у вас железные молодцы
                    под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
                    и многие страны —
                                Хинова,
                                Литва,
                                Ятвяги,
                                Деремела,
и половцы копьа свои повергли,
                    а головы свои подклонили
                    под те мечи булатные.

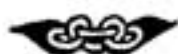

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листву сронило:
                    по Рóси и по Сулэ города поделили.
А Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань...

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича,
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
                    расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
                    и копьа польские
                    и щиты?
Загородите полю ворота
                    своими острыми стрелами
                    за землю Русскую,

за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

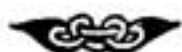

Уже бо Сула не течеть сребренными струями
къ граду Переяславию,
и Двина болотомъ течеть
онимъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовскыя,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию на кров,

за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями
для города Переяславля,
и Двина болотом течет
для тех грозных полочан
под кликом поганых.

Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлеными щитами
на кровавой траве
был прибит литовскими мечами
на кровь со своим любимцем,

а ты рекъ:

«Дружину твою, княже,
птиць крилы приодъ,
а звѣри кровь полизаша».

Не бысть ту брата Брячеслава,
ни другаго — Всеволода.

Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелие.

Уныли голоса,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскни!

Ярославлѣ вси внуце и Всеславлѣ!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славъ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Котóрою бо бѣше насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣць Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицю себѣ любу.
Тѣй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеса стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ плъночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мѣгль утрѣже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,

а тот и сказал:

«Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
Так в одиночестве изронил он жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.
Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Склоните стяги свои,
Вложите в ножны свои мечи поврежденные,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на богатства Всеслава.
Из-за усобицы ведь настало насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл он счастье,
в три удара отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярославу,

скочи влъкомъ

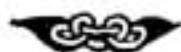
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головамц,
молотятъ чени харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣютъ душу отъ тѣла.

Немизѣ кровави брезѣ

не бологомъ бяхуть посѣяни —
посѣяни костьми русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,

княземъ грады рядяше,

а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:

изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,

великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше.

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано

у Святыя Софеи въ колоколы,

а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ,

нѣ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщей Боянъ

и прѣвое припѣвку, смысленый, рече:

«Ни хытру,

ни горазду,

ни птицю горазду

суда божиа не минути».

О, стовати Руской земли,

помянувшѣ прѣвую годину

и прѣвыхъ князей!

Того стараго Владимира

нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ:

сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы,

скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют головам,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон тот слышал.
Хоть и вещая душа у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещий Боян

давно припевку, разумный, сказал:
«Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,

а друзии — Давидовы,
къ розно ся имъ хоботы пашуть.
Коца поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычетъ:

«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
омочю бибрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцъ,
утру князю кровавья его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ»,

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралъ, аркучи:

«О вѣтръ, вѣтрило!

Чему, господине, насильно вѣши?

Чему мычеши хиновскыя стрѣлки
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?

Мало ли ти бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти,
лельючи корабли на синѣ морѣ?

Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачетъ

Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:

«О Днепре Словутицю!

а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкой безвестною рано кукует:
«Полечу, — говорит, — кукушкой по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«О ветер, ветрило!

Зачем, господин, веешь ты навстречу?
Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?

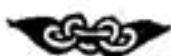
Разве мало тебе было под облаками веять,
лелея корабли на синем море?

Зачем, господин, мое веселье
по ковылю ты развеял?»

Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая.
«О Днепр Словутич!

Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозъ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады
до плѣку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую свою лучю
на ладѣ вой?
Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи,
идуть сморци мѣглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спить,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою;
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,

Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано».

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи,
идут смерчи тучами.
Игорю-князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не быть в плену!
Кликнула,
стукнула земля,

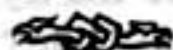

въшумъ трава,
 вежи ся половецкии подвизашася.
 А Игорь князь поскочи
     горнастаемъ къ тростию
     и бѣлымъ гоголемъ на воду.

Въврѣжеся на брѣзъ комонь
 и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
 И потече къ лугу Донца,
 и полетъ соколомъ подъ мъглами,
 избивая гуси и лебеди

завтроку,
 и обѣду,
 и ужинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
 тогда Влурѣ влъкомъ потече,
 труся собою студеную росу:
 претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече:
 «Княже Игорю!
 Не мало ти величия,
 а Кончаку нелюбия,
 а Руской земли веселиа».
 Игорь рече:

зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь-князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.

Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей

к завтраку,
и обеду,
и ужину.

Коли Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
страхивая собою студеную росу:
оба ведь надорвали своих борзых коней.

Донец говорит:
«О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия».
Игорь говорит:

«О Донче!
 не мало ти величия,
 лелѣявшу князя на влѣнахъ,
 стлавшу ему зелѣну траву
     на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
 одѣвавшу его теплыми мѣглами
     подъ сѣнию зелену древу;
 стрежаше его гоголемъ на водѣ,
     чайцами на струяхъ,
     чрънядьми на ветрѣхъ».

Не тако ти, рече, рѣка Стугна:
 худу струю имѣя,
 пожръши чужи ручьи и стругы,
 рошена къ устью,
 уношу князю Ростиславу затвори.
 Диѣпръ темнѣ березѣ
 плачется мати Ростиславля
     по уноши князи Ростиславѣ.
 Уныша цвѣты жалобою,
 и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сорокы втроскоташа —
 на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
 Тогда врани не граахуть,
 галици помлѣкоша,
 сорокы не троскоташа,
 полозие ползаша только.
 Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
 соловии веселыми пѣсньми
     свѣтъ повѣдаютъ.

Млѣвитъ Гзакъ Кончакови:
 «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
 соколича рострѣляевѣ
     своими злаченными стрѣлами».

Рече Кончакъ ко Гзѣ:
 «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,

«О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чёрнядами на ветрах».

Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,

а въ соколца опутаевъ
красною девицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевъ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пѣснотворца
старога времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы» —
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесѣ, —
Игорь кпязь въ Руской земли;
дѣвицы поють на Дунаи, —
в्यूтся голоси чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

То опутаем мы соколенка
красною девицей».

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы:

«Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы» —
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, —
а Игорь-князь в Русской земле;
девицы поют на Дунае, —
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плъки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

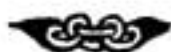

«Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.